

УДК 1(09)
ББК 87.3(2)6

Александр Александрович Ермичёв

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и религиоведения, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: 7723516@gmail.com

«Философский пароход»: о парадигме С.С. Хоружего

Аннотация. Анализируется выступление С.С. Хоружего, опубликованное в 1990 года в «Литературной газете» под названием «Философский пароход. Как это было». Эта метафора стала популярна и активно используется современными критиками советской истории. В отличие от позиции С.С. Хоружего, представившего состоявшуюся в 1922 году высылку группы московской и петербургской интеллигенции, среди которой были 13 философов, социологов и правоведов как духовную катастрофу России и как «конец русской философии», в предлагаемой статье это событие оценивается в качестве только политической акции, имеющей целью исключить из общественной жизни Советской России всех, кто, не понимая новой социально-политической реальности, оставался на прежних не научных мировоззренческих позициях, защищал буржуазные ценности университетской автономии и свободы слова, заявляя об этом в публичных выступлениях. Подчеркивается, что ценностное противостояние в общественном сознании Советской России могло обернуться политическим противостоянием, что могло грозить стране и власти новым витком гражданской войны. Проводится параллель между состоянием общественного сознания Советской России 20-х годов и СССР 80–нач. 90-х годов XX века, когда «гласность» и «перестройка» стали началом гибели СССР. Оспаривается тезис С.С. Хоружего о «конце философии» в России. Утверждается, что установление монопольного положения марксистского материализма и исключение любой немарксистской философии из культурной жизни явилось просто началом нового этапа русской философии, принужденной к развитию в предписанной ей теоретической форме. Между тем обращается внимание на то, что мыслители русского зарубежья отмечали наличие в советской философии позитивных эвристических возможностей, которые при отсутствии философского диалога не могли полностью развиваться. Проводятся параллели между трансформацией философии в советской истории и временем Петра Великого, когда одному из направлений европейской философии было оказано государственное покровительство и русское философское мышление оставило за собой «любомудрие» как пройденный этап.

Ключевые слова: «философский пароход», «огосударствление» философии, мировоззрение, идеология, свобода слова, классовая борьба, философский пароход, «перестройка»

Alexander Alexandrovich Ermichev

Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Russia, Saint Petersburg, e-mail: 7723516@gmail.com

“Philosophical steamer”: on the Paradigm of S.S. Khoruzhy

Abstract. The article analyzes the speech of S.S. Khoruzhy, published in 1990 in the “Literaturnaya Gazeta” under the title “Philosophical Steamer. How it was”. The metaphor he found has become

popular and is actively used by modern critics of Soviet history. In 1922, S.S. Khoruzhy presented the expulsion of a group of Moscow and St. Petersburg intellectuals, among whom there were 13 philosophers, sociologists and jurists, as a spiritual catastrophe of Russia and even as the "end of Russian philosophy". On the contrary, in the proposed article, this event is assessed as only a political action aimed at excluding from the public life of Soviet Russia all those who remained in the same unscientific ideological positions, defended the bourgeois values of university autonomy and freedom of speech, stating this in public speeches not understanding the new socio-political reality. The article emphasizes that the value confrontation in the public consciousness of Soviet Russia could turn into a political confrontation, which could threaten the country and the authorities with a new round of civil war. A parallel is drawn between the state of public consciousness of Soviet Russia in the 20s and the USSR in the 80s – early 90s of the twentieth century, when "glasnost" and "perestroika" became the beginning of the death of the USSR. The article challenges the thesis of S.S. Khoruzhy about the "end of philosophy" in Russia. It is argued that the establishment of the monopoly position of Marxist materialism and the exclusion of any non-Marxist philosophy from cultural life was simply the beginning of a new stage of Russian philosophy, forced to develop in its prescribed theoretical form. Meanwhile, thinkers of the Russian diaspora noted the presence of positive heuristic possibilities in Soviet philosophy, but in the absence of a philosophical dialogue they could not fully develop. The transformation of philosophy in Soviet history reminds the author of the time of Peter the Great, when one of the directions of European philosophy was given state patronage and Russian philosophical thinking left behind "love of wisdom" as a passed stage.

Key words: "philosophical steamer", "nationalization" of philosophy, worldview, ideology, liberty of speech, class struggle, philosophical steamer, "perestroika"

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.2.140-150

Привычное всем и вынесенное в заголовок статьи словосочетание «философский пароход» само по себе довольно странное. Прямое понимание его просто невозможно. Три философа-москвича, отбывшие на «Обербургомистре Гаккене» и три петербуржца на «Пруссии» никак не тянут на «пароход»; в лучшем случае только на шлюпку¹. Но и метафорическое восприятие этого словосочетания не очень точно.

Эту метафору в 1990 году придумал наш современник, выдающийся ученый и религиозный мыслитель С.С. Хоружий. В «перестройку» он, как и многие из нас, переживал за Россию, готовую освободиться от советского тоталитаризма. Внимание Хоружего привлекло событие, послужившее началом этого тоталитаризма, – состоявшаяся осенью 1922 года высылка за границу относительно небольшой группы русской интеллигенции. В ней С.С. Хоружий насчитал 77 человек самых разных профессий и, отделив от них 13 фило-

¹ Вообще-то, выслали 8 философов: шесть на всемирно известных «Гаккене» и «Пруссии»; одного – С.Н. Булгакова – на малоизвестной итальянской *Jeanne*. Восьмого – Ф.А. Степуна – отправили за границу на поезде. К этому списку можно прибавить еще несколько имен, имевших отношение к русской философии, – социолога П.А. Сорокина, автора сборников «Вехи» и «Из глубины», публициста А.С. Изгоева и философствующего литературного критика Ю.И. Айхенвальда. Одиннадцать имен.

софов, социологов и правоведов, назвал акцию ГПУ «философским пароходом», или, как он далее уточнил, первым опытом «негативной селекции» среди советских людей².

Метафора, рожденная в антисоветское время, заиграла всеми своими красками: 1) высылка – есть ступенька в становлении сталинского тоталитаризма; 2) она есть «разрушение устоев общественного и народного самостояния»³; 3) она означает «невосполнимую утрату для отечественной культуры»⁴; 4) она стала «концом философии в России». А то, – продолжил С.С. Хоружий, – что «с тех пор у нас называлось этим именем в действительности, лишь одна из служб тоталитарной машины»⁵.

Со времени появления статьи С.С. Хоружего в «Литературной газете» прошло более 30 лет⁶, но о «философском пароходе» продолжают говорить все в той же предложенной автором парадигме, в которой игнорируется все многообразие истории Советской России и СССР, зато высылка оценивается как событие в области духа. Иные аспекты этого события исключены *ab ovo*.

На этот сюжет в истории Советской России написано несколько книг большой научной ценности и десятки статей. Вот уж России Сталина давным-давно нет, государственной идеологии тоже нет, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Ф.А. Степун, С.Л. Франк могли бы констатировать излечение русского народа от болезни «русского коммунизма», но – все равно – о высылке продолжают писать в том же идеологическом, антикоммунистическом ключе.

Вот роскошный, цветной, с картинками, рассчитанными на популярность, 84-й номер журнала «Дилетант» за 2022 год полностью посвященный «философскому пароходу». При некоторых ошибках фактического характера⁷ главное в нем – его идеологическая антисоветская заостренность. «Дилетант» сообщает, что допросы, которым ЧК подвергла высылаемых, «были тяжелы-

² См.: Хоружий С.С. Философский пароход // Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. С. 208 [1].

³ Там же. С. 192.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Там же. С. 208.

⁶ Статья С.С. Хоружего «Философский пароход. Как это было» публиковалась в двух номерах «Литературной газеты» – 9 мая и 7 июня 1990 г. (соответственно № 19 и № 23). Номер газеты от 9 мая характерен для времени, из которого выплыл наш «пароход». В рубрике «Сороковые роковые» выступили Евгений Носов со статьей «Фанфары и колокола», Вячеслав Кондратьев с «Парадоксом фронтовой ностальгии», Ю. Рост с заметкой «Прощание». Играя на ложном противопоставлении, Ю. Рост «испытывает стыд перед всеми, кто руку приложил к Победе, – за памятные парады вместо жилья, за подачки вместо еды, за отличительные значки вместо нормальной жизни» и т.п.

⁷ К примеру, журнал «выслал» за границу Б.П. Вышеславцева (который выслан не был), назвал С.Л. Франка «знатоком восточных и европейских языков» и сообщил, что его труды «лидировали среди изданных за рубежом книг российских эмигрантов» (С. 42) Презрев метафоричность С.С. Хоружего, один из авторов прямо заявил: «Во-первых, пароходов было целых пять. Кроме того, высылали ученых не только морем» (С. 18–19).

ми»: «обращались с ними довольно жестоко»⁸. Это утверждение – вранье чистейшей воды. Так скажут все, кто читал воспоминания Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, М.А. Осоргина, Ф.А. Степуна, В.В. Стратонова и других экспатриантов. «Дилетант» также сообщает, что высылаемых извещали, что в случае самовольного возвращения на родину их ожидает расстрел. У читателя складывается впечатление, что «вышка» была придумана специально для пассажиров «философского парохода». На самом деле «вышкой» была статья 71 уголовного кодекса Советской России, применяемой ко всем (без исключения!), кто пересечет границу РСФСР без разрешения на то.

В передергивании особенно отличился редактор «Дилетанта» В. Дымарский. Власть в России, жалуется он, не любила отечественную интеллигенцию. Александр III называл ее «гнилой», а В.И. Ленин – вообще очень нехорошим словом. По-видимому, «Дилетанту» и сейчас от этого как-то неловко.

Но на самом деле редактор просто переврал письмо В.И. Ленина А.М. Горькому от 15 сентября 1919 г. (оно опубликовано в 51-м томе полного собрания сочинений В.И. Ленина). Накануне, то есть до 15 сентября, Горький просил Ленина выволочь из ЧК известных писателю хороших ученых и изобретателей; ведь интеллигенция – это мозг нации.

В.И. Ленин, разузнав, что кто-то из хороших ученых был кадетом или участвовал в кадетских акциях, стал внушать писателю, что интеллигенция, которая служит капиталистам, это не мозг, а ... (вот теперь Ленин употребил нехорошее слово). Таким образом, простое чтение показывает следующее: есть интеллигенция, которая служит народу, и интеллигенция, которая служит буржуазии. Эту последнюю Ленин и назвал нехорошим словом; не за интеллигентность, а за ее буржуазность и кадетскость⁹. В. Дымарскому такие тонкости недоступны.

⁸ См.: Христофоров В. Вот такой гуманизм по большевистски // Дилетант. 2022. № 084. С. 42 [2]. Удивительно, что она принадлежит члену-корреспонденту РАН В. Христофорову, одному из составителей превосходного сборника «Высылка вместо расстрела. депортация в документах ВЧК ГПУ. 1921–1923» (М., 2005).

⁹ Ответ М. Горького на это письмо В.И. Ленина известен. Он опубликован А.С. Масальской, И.Н. Селезневой и А.А. Гаком в журнале «Кентавр» (№ 1 за 1993 год. С. 60–62). М. Горький укорял В.И. Ленина в том, что он, видимо, не очень хорошо проводит черту между «политиканствующей интеллигенцией и представителями интеллектуальных, научных сил страны», зачисляя последних в кадеты. Например, А.А. Крогиус никогда им не являлся. «Недоверчивое и даже подозрительное отношение к представителям гуманитарных наук» Горький понимает, но считает «варварским» такое отношение к «людям положительного знания», которые в большинстве своем приняли народную революцию. Из публикации в «Кентавре» явствует, что А.М. Горький хлопотал за ботаника Н.А. Буша (1869–1941), теплотехника Г.Ф. Делпа (1854–1921), психолога А.А. Крогиуса (1871–1933), психиатра В.П. Осипова (1871–1947), востоковеда и члена Петербургской Академии наук С.Ф. Ольденбурга (1863–1964), изобретателя И.В. Туркина (1861–1963), языковеда Л.В. Щербу (1880–1944).

Другой раз В. Дымарский обращается к воспоминаниям художника Ю. Анненкова¹⁰, а тот дословно воспроизвел, что говорил Ленин: «К интеллигенции, как Вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю. Наш лозунг “ликвидировать безграмотность” отнюдь не следует толковать как стремление к возрождению новой интеллигенции. “Ликвидировать безграмотность” следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель вполне практическая – только и всего» [3, с. 10]. Дымарский в ужасе: «То есть цель всей системы образования сводится к тому, чтобы научиться читать и понимать спущенные сверху установки. “Только и всего”. Все остальное – лишнее» [3, с. 10].

Оставим в стороне ленинскую (классовую) точку зрения на интеллигенцию, но согласимся, что рождение интеллигенции – это более емкий и сложный процесс, нежели “ликвидация безграмотности”. Допустим, Ю. Анненков не знает понятия «культурная революция», но В. Дымарскому-то оно должно быть известно!

Однако вернемся к 1922 году. В жестокой войне с крестьянами (антоновщина, махновщина), с подавлением Кронштадтского мятежа большевики завоевывают власть, но перед ними встает другая задача – удержание власти. И они ее удерживают – экономически, – переходом к НЭПу (с реформой оплаты труда, реформой законодательства и финансовой реформой), и политически, начав разгром социалистических партий и установив власть одной партии. Остается самое важное – удержать власть идейно, в сознании людей, так, чтобы они признали Советскую власть не просто легитимной (в правовом понимании), но и лично принимаемой всеми гражданами за собственную, родную, ту самую, за которую всегда боролась русская общественность, то есть народную.

Ситуация складывалась следующим образом. По-видимому, для большинства высылаемых вопрос о легитимности Советской власти был решен в ее пользу в силу итогов гражданской войны. В письме к П.Б. Струве в августе 1922 года С.Л. Франк признается: «За эти тяжкие годы, перестав – поневоле – быть кабинетным человеком и получив массу жизненных впечатлений, я узнал многое новое. Коротко говоря, я понял органический характер того, что случилось, то есть наличность у него органической подоплеки и необходимость с этим считаться, неизбежность для нас некоторого существенного самоограничения. Страна Пушкина, Тютчева, Достоевского стала отныне и бесповоротно мужицкой страной, и мы должны научиться в ней жить и для нее работать, как бы это тяжело не было» [4, с. 651].

Отношение высылаемых к Советской власти можно разделить по трем уровням. Первый условно обозначим «историософским». Например, Ф.А. Сте-

¹⁰ Рассказывая о советском времени русской истории, воспоминания антисоветчиков использовать можно и иногда даже нужно. Но и нельзя забывать, что в их сердце стучит и стучит «пепел Клааса».

пун пояснял: «Как гражданин отношусь к советской власти определенно лояльно. С началом ее победы считаю внешнюю вооруженную борьбу с ней политической ошибкой. Как философ считаю большевизм очень сложной религиозной и моральной болезнью русской народной души, которая, однако, безусловно пойдет на пользу ее духовного роста» [5, с. 337]. В том же ключе выразился И.А. Ильин: «Считаю советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественного духовного недуга, назревавшего в России в течение нескольких сот лет» [Там же, с. 239]. Он даже считает возможным предупредить власть: «РКП, пренебрегая сверхклассовой солидарностью, вредит себе, своей власти и России» [Там же, с. 240].

Другой уровень назовем политико-правовым. Вот что заявил о Советской власти Н.О. Лосский: «Власть РСФСР я считаю подлинно государственной русской властью... и считаю долгом быть лояльным гражданином, исполняющим все декреты Советской власти» [5, с. 271]. Вот что показывает Л.П. Карсавин: «Пролетарскую и рабоче-крестьянскую власть понимаю как власть, выражающую волю народа (огромного большинства народа) и потому, несмотря на все возможные ее ошибки, лучше эту, верно выражающую, чем дореволюционная власть» [5, с. 245].

Наконец, третий уровень обозначаем как актуально-политический. И.И. Лапшин уверяет: «Я не коммунист, но всегда сочувствовал широкому развитию демократического государственного строя, который на сегодня представлен Советской властью» [5, с. 262]. Дальше его идет автор «Вех» и сборника «Из глубины» А.С. Изгоев, уже отбывший две советские ссылки, пишет: «Считаю, что Советская власть есть законное правительство, рожденное революцией, исполняющее в настоящее время задачу сохранения России» [5, с. 237]. Он признает, что «в известные моменты государственная власть для спасения народа может устанавливать диктатуру, пролетарская – пролетарскую диктатуру. Когда во время этой диктатуры власть находит нужным упразднить всякую иную печать, кроме признанной ею необходимой этому правительству, считаю необходимым этому правительству подчиниться и литературную деятельность приостановить» [5, с. 237–238].

Многое зная об изгнанных, мы не считаем их признания лживыми и лицемерными, делая тем самым вопрос о причине высылки более трудным для себя. Бедные пассажиры «Гаккена» и других пароходов и поездов! Кажется, они «по-буржуазному» думали укрыться за правом, за законом, к которым их приучила прежняя Россия. Даже признавая, что страна стала мужицкой, они не осознавали глубины происшедшего. А в России радикально изменилось все – закон и право тоже! Пришла революция простолюдинов, а вожди ее, провозгласившие диктатуру пролетариев, только и зывали к тем, кто был пообездоленной, еще более унижен и оскорблен, чем прочие. «И прежние подвальные, и медники, мастеровщина, туго жизнью пригнетенная, из щелей повылезла, из темных нор своих, и вверх задвигалась. «Попировали, и довольно! Нынче наш

черед! Выходи, беднота, тьма, голь и нищенство, подымай голос, нынче твой день» [6, с. 458].

Агрессивному сознанию подвальных, устремленных к социальной справедливости, марксисты-большевики указали на классовую борьбу как единственный способ достижения своей цели. Сознание подвальных хорошо воспринимало схематику марксистского материализма, которую навязывала ему новая власть.

В свою очередь партия большевиков, накопившая огромный опыт по организации общественного сознания, теперь получила все средства для продолжения такой же работы.¹¹ Марксистская идеология – не мытьем, так катаньем, не убеждением, так насилием – неуклонно отвоевывала себе новые и новые территории русской жизни. С религией и церковью велась жестокая война, обещанная свобода слова пресекалась Главлитом, состав студенчества менялся с невероятной быстротой, преподавательская работа ограничивалась жесткими программами, а самих преподавателей принуждали к экзамену по марксизму, профессорско-метафизиков увольняли, университетская автономия ликвидировалась. Возникали какие-то Социалистические академии и институты красной профессуры, в большом количестве появлялась коммунистическая периодика с названием «Красная новь», «Печать и революция» и т.п. Повсюду наступающая новая идеология пугала. Интеллигенция теперь узнавала, что в России, оказывается, существует не одна, а две культуры, причем одна из них – буржуазная, и, значит, подлежащая отмене, а другая – хорошая, крестьянская и пролетарская, созданная теми, кто радел за свободу и счастье трудящегося народа.

Новой власти было мало простой законопослушности граждан. От ученого, поэта и художника новая идеология требовала какого-то классового и политического самоопределения. Теперь гражданин должен был идти вместе с новой властью, разделять материалистическое научное мировоззрение и выискивать во всей культуре классовый интерес. Если гражданин был не с народом, не с Советской властью, а на другой стороне, то тогда становился носителем какого-то другого, не научного мировоззрения, которое, оказывалось, завершалось идеализмом и поповщиной. В.Я. Брюсов еще в 1905 г. увидел «фанатизм людей, не допускающих мысли, что их убеждения могут быть ложны»¹². Но было бы абсурдно думать, что «буржуазная» интеллигенция могла с легкостью отказаться от привычного мира и перестроиться на новый лад.

¹¹ В советской литературе об идеологической борьбе в 20-е годы XX века – какого бы автора мы не взяли – дело изображается так, что бедная Советская власть, мирно приступив к мирному экономическому и иному строительству, вдруг столкнулась с ожесточенным идейным сопротивлением пособников буржуазии и почти вынуждена была защищаться. На самом деле все было по-другому. Атакующей стороной были советские идеологи и марксистская идеология: агрессивными были они, ибо первой задачей революции было как раз разрушение старого мира до основания, т.е. до его разрушения в сознании всех граждан Советской России.

¹² См.: Брюсов В.Я. Вехи I. Свобода слова // Весы. 1905, № 11. С. 64 [7].

Между тем противостояние мировоззрений оборачивалось социально-политическим противостоянием. Новые власти внимательно наблюдали за деятельностью разного рода интеллигентских союзов и ассоциаций, возобновивших свою работу после гражданской войны. Усиленно проходили заседания Московского и Петроградского Философских обществ. Многолюдны были собрания, как о том писали Н.А. Бердяев и Ф.А. Степун, Вольной Академии Духовной культуры. Точками противостояния мировоззрений стали возникшие при нэпе частные издательства (только в Москве их насчитывалось более трехсот), а вышедшие здесь книги – так было написано в одном из советских исследований – «пытались посеять пессимизм, неверие в осуществимость высоких гуманистических идеалов, в возможность прогрессивного социального устройства. Октябрьская революция описывалась в них в эсхатологических терминах и выражениях» [8, с. 28]. Философы-экспроприанты, авторы этой литературы советских законов не нарушали, зато всегда, когда было возможно, не скрывали своего неприятия новой власти¹³. В.И. Ленин, прочитав сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы», квалифицировал его как «литературное прикрытие “белогвардейской организации”»¹⁴ (хорошо еще, что два последних слова он взял в кавычки). Мировоззренческая оппозиция перерастала в оппозицию политическую.

Первого июня 1922 г. Яков Саулович Агранов, бывший на то время особо уполномоченным при президиуме ВЧК, подписал докладную записку ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б). В записке был дан анализ настроений интеллигенции, полученный наблюдателями за деятельностью вузовской профессуры, различных ученых обществ и частных издательств, ведомственных съездов (медиков, кооператоров и т.п.) и пр. Выводы, предложенные запиской, были тревожны: «... происходит определенная кристаллизация и сплочение противосоветских групп и организаций», которые в «недалеком будущем» «могут сложиться в опасную силу, противостоящую Советской власти»¹⁵.

Новая власть не хотела допускать самую возможность политической организации для внесоветской общественности, резонно опасаясь нового витка гражданской войны. «Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем», – говорил В.И. Ленин [10, с. 83]. Он был убежден, что «Россия не может быть и не будет независимой, если не будет укреплена Советская власть»¹⁶.

¹³ В главе «Октябрь» во втором томе «Бывшего и несбывшегося» Ф.А. Степун рассказывал, как в Политехническом музее он, «переоценивая привычные ценности и перетасовывая карты», внушал слушателям совсем не советский взгляд на Октябрьскую революцию.

¹⁴ См.: Ленин В.И. Письмо Н.П. Горбунову от 3 марта 1922 года // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. М., 1958–1965. Т. 54. С. 198 [9].

¹⁵ См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. С. 78.

¹⁶ См.: Ленин В.И. Собрание партийных документов. Москва, 27 ноября 1918 года. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958–1965. Т. 37. С. 213 [11].

Современникам перестройки невольно приходит в голову сопоставление 20-х годов в Советской России и 80–90-х в СССР. Во всю поощряемое А.Н. Яковлевым из ЦК КПСС, торжествует «восстановление ленинских норм» и «возврат к основам народного самоуправления». Линкором идет «Архипелаг ГУЛАГ», величаво идут «Новый мир» и «Знамя», рыскают катеры «Огонька», а по телевизору каждые «Шестьсот секунд» прокатывается «Пятое колесо». Вспомнив это, мы спрашиваем себя: «А где же великий СССР?»

Нелепо думать, что в неустойчивой ситуации 1922 года философов выслали из-за их несогласия с марксистской теорией: Н.А. Бердяева за «Смысл творчества», Н.О. Лосского за «Материю в системе органического мировоззрения», И.А. Ильина за «Философию Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и т.п. Конечно, их упрямое непонимание научной материалистической философии было принято во внимание, но высылали их за то, что они слишком «высовывались», были слишком заметны на общественном поле – книгоиздательство «Берег» и его сборник о Шпенглере, Вольная Академия духовной культуры, Философское общество в Петрограде; кто-то из них, например, И. Ильин, вообще «не вылезал» из Чрезвычайки. Значение прославленной ныне «пароходной» акции со всеми пассажирами – агрономами, кооператорами, учеными, техниками, литераторами, журналистами, медиками, философами – было совсем не философское, а только практически-политическое – сохранить завоеванную РКП(б) власть и сохранить Россию. То был интеллигентский пароход, отправленный Лениным в Германию в назидание интеллигентам, оставшимся в Советской России. Философский пароход – иное дело. Тогда бы среди его пассажиров обязательно были С.А. Аскольдов, П.П. Блонский, А.И. Введенский, Б.П. Вышеславцев, С.О. Грузенберг, М.К. Морозова, В.И. Несмелов, Э.Л. Радлов, Г.А. Рачинский, М.М. Рубинштейн, М.М. Тареев, Л.В. Тихомиров, П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет, В.И. Экземплярский и кто-то еще...

Содержание найденной С.С. Хоружим метафоры «философский пароход» покоится на принципиальном, духовном неприятии большевистской революции. Была ли она исторически правомерна, или была Божественным наказанием, или и тем и другим одновременно – по-видимому, это навсегда останется тайной. Но как бы то ни было, советская цивилизация четко обозначила свое место в истории, ускорив ее бег. Разумеется, состоявшиеся при этом культурные потери невосполнимы – впрочем, как любые потери на каждом новом этапе истории. Они – тоже ее тайна, ибо только Бог может отменить потери, сделав невозможное возможным.

Однако утверждение С.С. Хоружего, что потеря восьми философов «была концом философии в России», совершенно неверно. Не о том, понятно, будем говорить, что высылка сохранила им жизнь и возможность творчества.

Так русская философия продолжила жить вне России и, как оказалось, для России, возвратившись к ней во времена «перестройки» и «гласности».

Вернее говорить о другом. Любая из философий, несмотря на сомнение, предлагает человечеству только свою долю Истины, не обладая Ею в полноте. И тогда философская Истина раскрывается не в учениях и концепциях, а в их диалоге. Понимая это, мы спокойно относимся к начертанному С.С. Хоружим «концу философии». Государственное насаждение марксистской философии в 20-е годы XX века просто обозначило другой этап в истории отечественной мысли, подобно тому как после многовекового любомудрия государственное распоряжение в 20-е годы XVIII века начинало новый этап русского мышления. Но в СССР государственно-партийная монополия на философскую истину исключила любой диалог, и это приводило диалектический материализм к догматизации и вырождению, хотя многие из философов зарубежья (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, В.Э. Сеземан, Д.И. Чижевский) видели в советской марксистской философии богатые возможности.

Список литературы

1. Хоружий С.С. Философский пароход // Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. С. 188–207.
2. Христофоров В. Вот такой гуманизм по-большевистски // Дилетант. 2022. № 084. С. 40–43.
3. Дымарский В. Моя история // Дилетант. 2022. № 084. С. 10.
4. Франк С.Л. Три письма П.Б. Струве // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2001/2002. М., 2002. С. 645–654.
5. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005. С. 544.
6. Зайцев Б.К. Улица Св. Николая // Зайцев Б.К. Сочинения. Т. 1. М.: Терра, 1993. С. 451–463.
7. Брюсов В.Я. Вехи И. Свобода слова // Весы. 1905. № 11. С. 61–66.
8. Кошарный В.П. У истоков советской философской науки (1917–1922). М.: Московский университет, 1981. 151 с.
9. Ленин В.И. Письмо Н.П. Горбунову от 3 марта 1922 года // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 54. М., 1958–1965. С. 198.
10. Ленин В.И. Письмо Г. Мясникову от 5 августа 1921 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. М., 1958–1965. С. 78–83.
11. Ленин В.И. Собрание партийных документов. Москва, 27 ноября 1918 года. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. М., 1958–1965. С. 207–224.

References

(Sources)

Collected Works

1. Lenin, V.I. Pis'mo N.P. Gorbunovu ot 3 marta 1922 goda [Letter to N.P. Gorbunov dated March 3, 1922], in Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 54* [Complete Works. Vol. 54]. Moscow, 1958–1965, p. 198.

2. Lenin, V.I. Pis'mo G. Myasnikovu ot 5 avgusta 1921 goda [Letter to G. Myasnikov dated August 5, 1921], in Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 44* [Complete Works. Vol. 44]. Moscow, 1958–1965, pp. 78–83.

3. Lenin, V.I. Sobranie partiynykh dokumentov. Moskva, 27 noyabrya 1918 goda. Doklad ob otnoshenii proletariata k melkoburzhuaaznoy demokratii [Collection of party documents. Moscow, November 27, 1918. Report on the attitude of the proletariat to petty-bourgeois democracy], in Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 37* [Complete Works. Vol. 37]. Moscow, 1958–1965, pp. 207–224.

4. Zaytsev, B.K. Ulitsa Sv. Nikolaya [St. Nicholas Street], in Zaytsev, B.K. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow: Terra, 1993, pp. 451–463.

Individual works

5. Frank, S.L. Tri pis'ma P.B. Struve [Three letters to P.B. Struve], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik. 2001/2002* [Studies on the history of Russian thought. Yearbook. 2001/2002]. Moscow, 2002, pp. 645–654.

6. Khoruzhiy, S.S. Filosofskiy parokhod [Philosophical steamship], in Khoruzhiy, S.S. *Posle pereryva. Puti russkoy filosofii* [After a break. The ways of Russian philosophy]. Saint-Petersburg: Alethea, 1994, pp. 188–207.

7. Khristoforov, V. Vot takoy gumanizm po bol'shevistski [Here is such a Bolshevik humanism], in *Diletant*, 2022, no. 084, pp. 40–43.

(Articles from Scientific Journals)

8. Bryusov, V.Ya. Vekhi I. Svoboda slova [Milestones I. Freedom of speech], in *Vesy*, 1905, no. 11, pp. 61–66.

9. Dymarskiy, V. Moya istoriya [My story], in *Diletant*, 2022, no. 084, p. 10.

(Monographs)

10. Kosharnyy, V.P. *U istokov sovetskoy filosofskoy nauki (1917–1822)* [At the Origins of Soviet Philosophical Science (1917–1822)]. Moscow: Moskovskiy universitet, 1981.

11. *Vysylka vmesto rasstrelya. Deportatsiya intelligentsii v dokumentakh VChK-GPU. 1921–1923* [Expulsion instead of execution. Deportation of the intelligentsia in the documents of the Cheka-GPU. 1921–1923]. Moscow: Russkiy put', 2005, p. 544.